

Я - ВОП
В ЗАКОНЕ

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОР
В ЗАКОНЕ

ГОРОД
СТРАХА

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей.
3-43   Город страха / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Я — вор в законе).

ISBN 978-5-699-68922-4

В тихом уральском городке Харитоново с недавних пор стало беспокойно: неизвестно откуда понаехали «братки» и принялись методично выживать горожан с насиженных мест. Народ начал было сопротивляться, но тогда на улицах стали находить трупы особенно активных борцов с бандитами. В городе поселился страх. Люди бросали дома и уезжали из Харитонова целыми семьями. Информация о том, что небольшой уральский город терроризируют преступники, а местные правоохранительные органы бездействуют, попадает начальнику Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга, и тот отправляет в Харитоново своего лучшего сотрудника — капитана Антона Копаева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-68922-4

© Зверев С.И., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Глава 1

Дом Ковригина стоял на невысоком яру над рекой Чусовой. Когда-то здесь располагалась контора лесхоза, но захирело хозяйство еще в советские времена. Потом, как водится, остатки строений и оборудования растащили местные жители. В 90-е на этом же месте пытался обосноваться «новый русский» под уголовной кличкой Гвоздь. Сам он давно уже отирался в областном центре, где навар был жирнее, а в Харитонове у него жили мать и сестра. На этом яру, откуда открывался красивый вид на реку, он и решил построить свой особняк. Для матери, как это водится, и для себя, чтобы приезжать и отдыхать от трудов, далеко не праведных.

Дом новоявленный барин так и не достроил, остался от него лишь незаконченный фундамент. Сам он, как говорят, все-таки сел, потому что наехал на кого-то не того, и сдали его с потрохами на судилище. А в колонии его просто убили

такие же ухаи потому, что он чего-то с кем-то там не поделил, или потому, что кому-то что-то не так сказал.

А потом, когда страсти в стране начального капитализма поулеглись, когда появились соответствующее и вполне приемлемое законодательство и даже льготы для малого и среднего бизнеса, здесь обосновался предприниматель Ковригин. Он сам выбрал это место и вполне законно взял в аренду потому, что тут деревья и скалы не закрывали от солнца его теплицы, где с весны и до поздней осени он выращивал на продажу овощи и цветы. А еще здесь на солнечной стороне росли медовые травы: тимофеевка, оносма, чабрец, горицвет да василисник с прострелом. А с цветов этих трав пчелы давали замечательный светлый мед, который славился еще и своими целебными свойствами.

Сегодня ночь выдалась пасмурная, ветреная. Олег Николаевич Ковригин вышел проверить теплицы, убедиться, что хорошо закрыты двери и отдушины, которые ветром могло порвать. Он обошел теплицы, закурил, поглядывая на черное беззвездное небо. Ветром из сигареты высекало искры, которые уносило в деревья. Затушив ногой окурок, предприниматель решил проверить

еще и ульи. Мало ли что, вдруг лотки приоткрыты, вдруг ветер будет задувать внутрь. А как дождь? Зальет соты!

Решительно скинув ватник, накинутый на плечи, Ковригин надел его в рукава и пошел по тропинке к ульям. Тут ему и преградила путь темная фигура.

— Здорово, Ковригин! — недобрым голосом произнес человек. — Че не спится?

— Тьфу.. — отшатнулся предприниматель и сплюнул. — Напугал! Ты кто?

— Дед пихто! И какая тебе разница? Не о том ты думаешь, Ковригин, не тем у тебя голова забита. Ну-ка, вспомни последнее предупреждение?

— Ах вы суки, — попятился предприниматель, но тут из-за ближайших деревьев вышли еще четверо темных личностей, чьих лиц было не видно. — Значит, так решили...

— Значит, так! — грубо отрезал незнакомец. — Ну-ка, пошли в дом. Поговорим.

— Я... — заартачился Ковригин, у которого внутри все похолодело от недоброго предчувствия. — Не подходи, сука, застрелю...

Удар сзади по голове заставил потерять равновесие. Боль была тупой и охватывала полови-

ну головы вокруг темени и затылка. Ковригин застонал, схватился за голову, но ноги стали какими-то непослушными. Они подогнулись, а земля вдруг надвинулась на лицо.

Потом он чувствовал и видел, как сквозь туман. Его несли, волоча ноги по земле. И один сапог норовил соскочить, но так и остался на ноге, съехав с пятки. Потом скрип двери, электрический свет в глаза, пронзительный визг жены. Потом в лицо стали плескать холодной водой, потом на голову вылили много воды, и Ковригину стало легче. Он повозился на мокром полу и уселся. Ощущать собственную беспомощность было дико и нелепо.

— Ну, поговорим? — снова раздался все тот же голос.

Ковригин поднял ноющую голову и посмотрел вверх. Сердце сразу сжалось негодованием, страхом и болью. Двое парней неприятного вида держали вырывающуюся жену Марину, причем один зажимал ее рот. На стуле, почти касаясь предпринимателя ногами в армейских черных берцах, сидел человек с короткой стрижкой и большой головой. Он смотрел снисходительно на Ковригина, как на больного человека.

— Ты? — удивился Ковригин. — Ты же этот, ты же бывший полицейский, ты же участковым был...

— И че? — удивился человек и даже оглянулся на своих помощников, как бы ища у них понимания. — Бывшие участковые жрать не хотят? Это очень хреново, Олег Николаевич, что ты меня в таком качестве вспомнил. Теперь тебе вдвойне тяжелее придется. Значит, так! Или ты сейчас подписываешь бумаги, касающиеся земельного участка, или мы забираем в заложники твоего сына.

Марина задергалась в руках двух крепких парней и едва не вырвалась, заливаясь слезами и хрипя.

— Вон, видишь, как жена реагирует? Пожалел бы супругу. А мальчонка и так больной, он ведь дэцэпэшник¹ у вас? А я не смогу обеспечить ему надлежащих условий. Вот ведь беда!

— Ну ты и сволочь, — закашлялся Ковригин и схватился за голову, которая от кашля стала болезненно пульсировать в месте удара.

---

¹ Детский церебральный паралич — собирательный термин, объединяющий группу хронических двигательных нарушений.

Гость вздохнул и кивнул головой своим помощникам. Ковригин не понял, что эти люди собираются делать. Он даже подумал напугать их обещанием завтра написать заявление в полицию и прокуратуру. Не очень верилось, что это кого-то напугает, по району много ходило слухов о беспределе, за которым стояли в том числе и полицейские, и коммерсанты, и просто бандиты. Не очень верилось, но он намеревался попробовать.

Ковригин хотел встать с пола, но поскользнулся, когда увидел, что его жене ловко и быстро заклеили рот скотчем. Нервы сдали, и удар по голове сказался. И вдруг его жену наотмашь один из парней ударил по лицу. Удар был звучный и хлесткий. Марина потеряла равновесие и упала набок на пол. Ее подхватили и снова рывком поставили на ноги. Женщина плакала беззвучно, трясясь вся, как паралитик. Зрелище было страшное. И страшнее всего было понимание, что ты бессилён.

— Оставь, гад! — фальцетом закричал Ковригин и заскреб сапогами по полу, пытаясь найти точку опоры.

Но пришлось тут же замолчать и снова сесть. В горло ему уперлась холодная сталь ножа. Главарь наклонился к Ковригину и злобно прошипел:

— Лежи, падаль! Дернешься, и я тебе глотку проткну. На ее глазах проткну! А потом мы ее трахать будем, пока ты еще в состоянии видеть белый свет. На твоих глазах! Понял? Или ты хочешь, чтобы мы твоего поганца прямо вот на этом полу выпотрошили? Ты скажи, что предпочитаешь? Мы все можем, потому что за нами истинная власть в этом районе. Будешь сопротивляться — сдохнешь! И семья твоя подохнет в муках! Уж я об этом позабочусь. Делай, что тебе говорят, и жить будешь! Жить, понимаешь? Еще и денег получишь за свою рухлядь. Все законно, только решение прими правильное!

Ковригин с ужасом слушал страшные слова и понимал, что не врал народ, что все так и случилось с другими несогласными, с теми, кто не стал покладистым и сговорчивым. Он смотрел на белое лицо жены, на ее выпученные от ужаса бессмысленные глаза. А еще он видел, как из-под домашнего халатика бежит моча, растекаясь по полу...

А наверху в своей комнате лежит на кроватке их беда и горе — сын Максимка. Больной, скрюченный и жалкий. И как ни крепился Ковригин, как ни пытался себя сдерживать, но лицо само начало корчиться в болезненной гримасе. Он вдруг

с полной отчетливостью понял, поверил, что эти типы могут и обязательно, даже с удовольствием, выполняют все обещанное с ним, Мариной, с сыном. Ни перед чем они не остановятся, потому что кому-то нужен этот яр над рекой, эта земля. И он всемогущ. И никто Ковригина с его семьей не защитит.

По щекам потекли слезы. Жгучие, горькие... Слезы бессилия, отчаяния... Ковригину не было стыдно за них ни перед бандитами, во главе которых был бывший полицейский, ни перед женой, ни перед собой... Разве может быть стыдно кричать и плакать в тот миг, когда ты осознаешь, что самолет, в котором ты летишь, вдруг начинает падать. Ты просто оказываешься лицом к лицу со своей смертью. Один на один, несмотря на то что рядом с тобой десятки людей. Это спасаются все вместе, а умирает каждый в одиночестве, сам.

Сейчас Ковригин не чувствовал себя членом общества. В нескольких сотнях метров жили люди, тысячи людей. Там была власть, районные депутаты, администрация Харитоновского муниципального района, были магазины, отделения банков, почта, полиция. Там была цивилизация, и в то же время она была где-то очень далеко, на другом континенте, недостижима, как

джунгли Амазонки. Она где-то там, а бандиты и нож у горла — это все здесь.

И самое страшное было даже не это. Самым страшным было то, что выживи он сегодня, и завтра он все равно не получил бы помощи, не почувствовал бы себя в безопасности. Некому было его защитить. Те, кто должен был это делать, сами же ему намекнут, что надо договариваться, идти на уступки. И все потому, что он простой смертный, а правят в районе другие. Всемогушие! Они боги, а он пыль под ногами, дерьмо... К такому состоянию, к пониманию, что ты дерьмо под ногами, обычно привыкают долго. А кое-кто так и не привыкает. Тогда он или кончает с собой от стыда и безысходности, либо... ему помогают.

Капитан полиции Антон Копаев шел домой по темным улицам Екатеринбурга. Такова его работа, такова его участь, таков его крест, который он сам взвалил на себя. Приходить всегда поздно, долго и тщательно «проверяться», нет ли за ним слежки. Проверяться надо обязательно, потому что он оперативник Управления собственной безопасности ГУВД, потому что очень многие хотят ему отомстить. Из тех, кто пока остался

на свободе, дружков и родственников тех, кто благодаря Антону схвачен за руку, кто находится под следствием, кто уже осужден за черные дела.

И не защитит Антона Копаева форма офицера полиции, потому что о его принадлежности к органам знает только кто-то в «кадрах», но дела таких, как Антон, хранятся в отдельных сейфах, и работают с ними только проверенные люди. И знает его непосредственный руководитель — начальник Управления собственной безопасности полковник Быков. И вся работа Антона заключается в негласных разработках, внедрении в преступные группы, установлении доверительных отношений с преступниками, с теми, кого принято называть оборотнями в погонах, кто позорит и дискредитирует полицию, кто предает ее, предает свой народ, кто стал преступником, все еще продолжая носить полицейские погоны.

Не вчера и не сразу Антон встал на путь этой борьбы. Надо было пройти через многое: через гибель собственной матери, над которой надругался и которую убил один из участковых милиционеров (тогда это была еще милиция). Нужно было пройти через понимание ее смерти, через десяток лет сознательной подготовки себя к мести. Нужно было пройти через эту месть, найти убийцу.

А потом нужно было еще найти самого себя в жизни. Тогда, осознавая, что месть свершилась, Антон еще не задумывался о дальнейшей своей жизни. И если бы не Алексей Алексеевич Быков, то неизвестно где и кем был бы сейчас Антон. Но мудрый Быков разглядел в Антоне нужные качества. И теперь годы самостоятельной подготовки, годы службы в спецназе ВДВ, годы учебы в Юридическом институте МВД не пропали даром. Быков убедил Антона, что с изобличением одного преступника в погонах мир лучше не стал. И если иметь перед собой цель, то цель должна быть благородной. Не своя личная цель, не личная обида, не личная месть. Надо продолжать защищать других людей, бороться со злом в иных масштабах.

И Антон принял предложение Быкова, перешел в его управление. Но он не перестал быть мстителем. Он перестал мстить только за себя, только за свою мать. Теперь он мстил всем оборотням за всех, кого они унизили, убили, обокрали, за все зло, которое эти оборотни несут в мир людей.

Слежки за ним, конечно же, не было, но привыкать к чувству безопасности не стоит. Один миг, и безопасность закончилась. Всего один